

АЗБУКА-ПОЭЗИЯ

**ДМИТРИЙ
ВОДЕННИКОВ**

НЕБЕСНАЯ ЛИСА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)-5
В 62

Оформление обложки Вадима Пожидаева

В оформлении обложки использованы фотографии
Ольги Паволги

Воденников Д.

В 62 Небесная лиса : стихотворения и поэмы / Дмитрий Воденников. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 224 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-15127-7

Первая книга Дмитрия Воденникова вышла в 1996 году. Вот уже более двадцати лет Воденников остается одним из самых непредсказуемых поэтов, чье творчество способно удивлять и приводить в восхищение. Впрочем, сам автор говорит о себе так: «Я не занимаюсь творчеством. Я жду стихов, потом их пишу. Все остальное время я занимаюсь тем, что испытываю жизнь».

Данное издание представляет собрание стихотворений и поэм разных лет, настоящий подарок всем поклонникам поэтического слова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)-5

© Д. Воденников, 2018
© О. Паволга, фото, 2018
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15127-7

* * *

Когда бы я как Тютчев жил на свете
и был бы гениальней всех и злей —
о! как бы я летел, держа в кармане
Стромынку, «Винстон», кукиш и репей.

О как бы я берег своих последних
друзей, врагов, старушек, мертвецов
(они б с чужими разными глазами
лежали бы плашмя в моем кармане),
дома, трамваи, тушки воробьев.

А если б все они мне надоели,
я б вывернул карманы, и тогда
они б вертелись в воздухе, летели:
все книжки, все варьянты стихтворений,
которые родиться не успели
(но даже их не пожалею я).

Но почему ж тогда себя так жалко-жалко
и стыдно, что при всех, средь бела дня,
однажды над Стромынкой и над парком,
как воробья, репейник и скакалку,
Ты из кармана вытряхнешь — меня.

* * *

О кто бы мог еще глядеть
такими бедными овечьими глазами
на это прорастающее пламя,
на пастуха, идущего стеречь,
на гобелен с овечками и небесами.

Течь в голове у голубой овцы,
а волк не видит синий и зеленый,
но за версту он чует сладкий, красный,
ведь у овцы не только огурцы,
не только синий василек беззлобный —
есть у овцы под маской и внутри
сладко-бордовый помидор огромный.

Она глотает воздух, воду, луг,
и в животе они лежат слоями,
но адское не потухает пламя,
и вот, как беженка, овца глядит вокруг
и видит пастуха, лазоревых подруг.
Что делать ей? Со лживыми глазами
она их лижет мукою своей
и слизывает, словно карамель.

Ах, тварь какая! Нет, она не тварь.
Она растет, как праздничная сдоба,
она, пушистая, вдруг зацветает вербой,
в ее глазах безумие, не злоба.
Хотела быть прозрачной и смиренной,
но не хотела: красной и съедобной,
и ты ее за это не ударь.

Она к тому ж не ест уже, не пьет,
зато чадит вокруг себя миазмы,
и первой тут зазеленела травка.
Но что же делать? — Рядом волк цветет,
он — жук навозный, он ревнив, как шавка,
он красные не забывает язвы —
она очнется — он ее сожрет.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ (ТРАМВАЙ ПЕРВЫЙ)

*Не может быть, чтоб ты такой была:
лгала, жила, под тополем ходила,
весь сахар съела, папу не любила
(теперь — и как зовут меня — забыла),
зато, как молодая, умерла.*

*Но если вдруг — все про меня узнала?
(Хотя чего там — углядеть в могиле —
да и вообще: всё про могилы лгут,
то, что в пальто, не может сыпать пылью,
ботинки ноги мертвому не жмут.)*

Баранов, Долин, я, Шагабутдинов,
когда мы все когда-нибудь умрем,
давайте соберемся и поедем,
мои товарищи, ужасные соседи
(но только если всех туда возьмем),
в трамвайчике веселом, голубом.

Сперва помедленней, потом быстрее, быстрее
(о мой трамвай, мой вечный Холидэй) —
и мимо школы, булочной, детсада —
трамвай, которого мне очень надо, —
трамвай, медведь, голубка, воробей.

Уж я-то думал, я не упаду,
но падаю, краснея на лету,
в густой трамвай, который всех страшнее
(но зелень пусть бежит еще быстрее,
она от туч сиреневых в цвету,
она от жалости еще темнее) —
и мимо праздника и мимо Холидэя
(теперь о нем и думать не могу)
летит трамвай, свалившийся во тьму.

Хотя б меня спаси, я лучше быть хочу
(но почему я так не закричу?),
а впереди — уже Преображенка.
Я жить смогу, я смерти не терплю,
зачем же мне лететь в цветную тьму
с товарищами разного оттенка,
которых я не знал и не люблю.
Но мимо магазина, мимо центра
летит трамвай, вспорхнувший в пустоту.

Так неужель и ты такой была:
звала меня и трусостью поила,
всех предавала, всех подруг сгубила,
но, как и я, краснея, умерла.

Но если так, но если может быть
(а так со мной не могут пошутить),
моих любовников обратно мне верни
(они игрушечные, но они мои, мои!)
и через зелень, пыльную опять
(раз этих книжек мне не написать), —
с ВДНХ — подбрось над головой —
трамвай мой страшный, красный, голубой... 9

* * *

Ах, жадный, жаркий грех, как лев, меня терзает.
О! матушка! как моль, мою он скушал шубку,
а нынче вот что, кулинар, удумал:
он мой живот лепной, как пирожок изюмом,
безумьем медленным и сладким набивает
и утрамбовывает пальцем не на шутку.

О матушка! где матушка моя?

Отец мне говорит: Данила, собирайся,
поедем на базар, там льва степного возят,
он жаркий, жадный лев, его глаза сверкают, —
я знаю, папа, как они сверкают, —
я вытрясаю кофту в огороде:
вся кофта съедена, как мех весной у зайца,
я сам как заяц в сладком половодье.

О матушка! где матушка моя?

А ночью слышу я, зовут меня: Данила,
ни меда, ни изюма мне не жалко,
зачем ты льва прогнал и моль убил, Данила? —
так источается густой, горячий голос.

Я отвечаю: мне совсем не жарко,
я пирожок твой с яблочным повидлом.
А утром говорит отец: «Пойдем в Макдоналдс».

О матушка! где матушка моя?

Намедни сон сошел: солдат рогатых рота,
и льва свирепого из клетки выпускают,
он приближается рычащими прыжками,
он будто в классики зловещие играет,
но чудеса! — он, как теленок, кроток:
он тычется в меня, я пасть его толкаю
смешными, беззащитными руками,
глаза его как желтые цветочки,
и ослепляет огненная грива.

Но глухо матушка кричит из мягкой бочки:
«Скорей проснись, очнись скорей, Данила».
И я с откусанным мизинцем просыпаюсь.

ТРАМВАЙ ВТОРОЙ

Баранов, Долин, я, Шагабутдинов,
когда мы все когда-нибудь умрем —
мы это не узнаем, не поймем
(ведь умирать так стыдно, так обидно),
зато, как зайчики, ужасные соседи,
мы на трамвае золотом поедем.

Сперва помедленней, потом быстрее, быстрее
(о мой трамвай, мой вечный Холидэй) —
и мимо школы, булочной, детсада —
трамвай, которого мне очень надо, —
трамвай, медведь, голубка, воробей.

Уж я-то думал, я не упаду,
но падаю, краснея на лету,
в густой трамвай, который всех страшнее,
а он, как спичка чиркнув на мосту,
несется, заведенный, в пустоту
(куда и заглянуть теперь не смею),
с конфеткой красной, потной на борту.

Но вот еще, что я еще хочу
(хоть это никогда не закричу) —

а позади уже бежит Стромынка:
обидно мне, что, падая во тьму,
я ничего с собою не возьму —
ни синяка, ни сдобы, ни ботинка,
ни Знаменку, ни рынок, ни Москву.

А я люблю Москву — и вот, шадабиду,
я прямо с Пушки в небеса уйду,
с ВДНХ помашет мне Масловский.
Но мой трамвай, он выше всех летит,
а мне все жаль товарищей моих,
и воробьих, и воробьев московских.

Ах, если бы и мне ты тоже мог бы дать
на час — музеи все, все шарики отдать,
все праздники, всех белых медведей —
все, что бывает у других людей
и что в один стишок не затолкать
(ведь даже мне всей правды не сказать), —

тогда, ах если бы (иначе я боюсь),
тогда Барановым и Долиным клянусь:
что без музеев (из последних сил
я в них всегда, как сирота, ходил),
без этих шариков, которые всегда
от нас не улетали никуда —
без них без всех — я упаду во тьму
и никого с собой — не утяну.

* * *

Ты не забудь меня, козел рогатый,
а то кусал, терзал, осою жалил
и вдруг исчез, исчадьё басурманье, —
теперь я даже в шашки не играю,
мне только снятся грубые солдаты
да львы пузатые — и я во сне рыжею.
Но кадыки их, твердые как камни,
и темно-пышные смеющиеся шеи —
я это видел все уже когда-то.

Засим оставь меня, лукавая Аксинья,
и ты оставь, прекрасная Анисья,
чего ищу в апреле этом синем,
зачем рассыпал я цыплячий бисер,
какую муку алчу я — не знаю.
Мне только снится: я бегу по пашне
и как весенняя лисица лаю.
Ни видик мне не нужен ваш, ни сникерс,
ни шахматы мне не нужны, ни шашки,
а нужно мне опять тебя увидеть.

Я говорю: опять тебя увидеть,
а сам бегу в чумном, охряном мехе —

от смеха у солдат блестят доспехи,
они на жар и жало не в обиде.

Но есть один среди них — глаза как незабудки,
а сам он как дитя в зверином легионе,
и жилка синяя стучит на впалой грудке,
он тоже жаленный (я это сразу понял).

Он смотрит на меня и говорит, что видит:
Тебе к лицу хвост этот длинный, лисий,
но — говорит — зачем сюда летаешь?
Смотрел бы лучше разноцветный видик,
кусал бы лучше многовкусный сникерс,
играл бы в шашки, шахматы. И, знаешь,
такая мука здесь. Вернись к Анисье.

А мне — он говорит — в апреле этом синем
невмочь без львов и без холмов набухлых,
но и без крыл невмочь, сверкающих, как бритвы;
когда-то был я центром этой битвы,
и вдруг меня оставили, как куклу.
Теперь я здесь. Я не вернусь к Аксинье.

«А ты живи», — сказал и к льву уходит, слабый;
а я лисицею бегу по черной пашне,
и синяя во мне стрекочет жилка,
я тоже не вернусь, во мне синее жало,
я вижу: лев его терзает пылко,
лев с ним заводит бешеные шашни,
залить змею поможет только пытка.
Я это все уже увидел раньше.

* * *

*Не страсть страшна, небытие — кошмар.
Мне стыдно, Айзенберг, самим собою быть.
Вот эту кофту мне подельник постирал,
а мог бы тоже, между прочим, жить.*

Я быть собою больше не могу:
отдай мне этот воробьиный рай,
трамвай в Сокольниках, мой детский ад отдай
(а если не отдашь — то украду).

Я сам — где одуванчики присели,
где школьники меня хотят убить —
учитывая эту зелень, зелень,
я столько раз был лучше и честнее,
а столько раз счастливей мог бы быть.

Но вот теперь — за май и шарик голубой,
что крутится, вертится, словно больной,
за эту роскошную, пылкую, свежую пыль,
за то, что я никого не любил,
за то, что баб Тату и маму топчу, —
я никому ничего не прощу.

Я все наврал — я только хуже был,
и то, что шариком игрался голубым,

и парк Сокольники, и Язузю мою,
которую боюсь, а не люблю, —
не пощади и мне не отдавай
(весь этот воробьиный, страшный рай).
Но пощади — кого-нибудь из них,
таких доверчивых, желанных, заводных.
Но видишь ли, взамен такой растрате
я мало что могу тебе отдать.

Не дай взамен — жить в сумасшедшем доме,
не напиши тюрьмы мне на ладони.
Я очень славы и любви хочу.
Так пусть не будет славы и любви,
а только одуванчики в крови.

О Господи, когда ж я отцвету,
когда я в свитере взбесившемся увяну —
так неужель и впрямь я лучше стану,
как воробей смирившийся в грозу?
Но если — кто-нибудь — всю эту ложь разрушит
и жизнь ползет, как она была
(как ночью лезут перья из подушек),
каким же легким и дырявым стану я,
каким раздавленным, огромным, безоружным.

* * *

Сам себе я ад и рай, и волк, и заяц черный.
Не пестро ли этим синим глазкам?
«Не пестро, — он говорит, — не больно,
не больно, — скромный говорит, — и не думай».
Сам же вертится, как черт белокурый,
так и я вертелся, когда под Пасху
поселиться во мне пришли лисица,
петух и кот, кот и петух, кот и лисица.
Уж и гнули они меня, и лапами били сухими,
но зато теперь никто меня не покинет.

Ни петух, ни кот, ни заяц, ни волк нетленный,
ни петух, ни кот, ни лиса Андревна.

Ах ты, лисонька-лиса, глупая морда,
ах ты, петушок, вандербас, веселая тушка,
ах ты, волк-щелкун, ах ты, заяц ушлый,
ах ты, кот-певун, дюже умный, гордый —
были вы мне женою, сестрою и мужем.

Ой ли, ай ли! — пошел я кофий пить
в своем безумье,
и вдруг котофей Гога исчез, загордясь грудью,

и зачем он, приبلуда, исчез, или умер совсем —
не знаю,
но кота такого уже у меня не будет.

Но зато остались у меня лиса да петел,
волк да заяц, заяц да волк, лиса да Петя.

Ах ты, лисонька-лиса, глупая морда,
ах ты, петушок, орун, веселая тушка,
ах ты, волк-щелкун, ах ты, заяц — пушная торба,
.....
были вы мне женою, сыном и мужем.

Эх да ух! Поймали лису бабы,
любо, люто их глазу сверкала шкурка,
уж любили они ее нежно, лупили слабо.
Хороша получилась у бабы одной шубка.

Но зато остались у меня петел Петя,
волк да заяц, заяц да волк, волк да петел.

.....
Ах ты, петушок Петрович, веселая тушка,
ах ты, волк, горечь моя, ах ты, заяц черный,
.....
были вы мне женой и мужем.

Мама, мама! поймали фашисты Петю,
оторвали хвост его многоцветный,
угрюмый гребень
(я глядел, убогий, тогда в бинокль),
а в апреле кто там сидит на небе,
если так отобрали, убили коку.

Но зато остались у меня волк да заяц,
волк да заяц, заяц да волк, волк да заяц.

.....
.....
Ах ты, волк последний, ах ты, заяц последний
.....
были вы мне кем-то и кем-то.

Скоро, скоро придут и за мной и возьмут руку,
и возьмут ногу мою, и возьмут губы,
даже синие глазки твои у меня отнимут,
все возьмут — только волчью и заячью муку
не отнять им, ибо терпеть убыль,
а они не хотят ни терпеть, ни гибнуть.

Ибо скоро конец голубой и быстрый,
ультракрасный и медленный, будто карри,
будет волк рычать, будет заяц биться,
будет масло пускать золотые искры,
будут ждать меня многоумные твари,
будут плавать в уме, как в лазури, лица:
кот и петух, петух и лисица.

* * *

*Евгению Ш., Соколову, Кукулину
и другим моим друзьям*

Куда ты, Жень, она же нас глотает,
как леденцы, но ей нельзя наестся.
(Гляди, любовниками станем в животе.)
Так много стало у меня пупков и сердца,
что, как цветочками, я сыплюсь в темноте.

Я так умею воздухом дышать,
как уж никто из них дышать не может.
Ты это прочитай, как водится, прохожий,
у самого себя на шарфе прочитай.
Когда ж меня в моем пальто положат —
вот будет рай, подкладочный мой рай.

Я не хочу, чтоб от меня осталось
каких-то триста грамм весенней пыли.
Так для чего друзья меня хвалили,
а улица Стромынкой называлась?

Из-за того, что сам их пылью мог дышать,
а после на ходу сырые цацки рвать —

ботинкам розовым — и тем со мною тесно.
Я бил, я лгал, я сам себя любил
(с детсада жил в крови ужасный синий пыл),
но даже здесь мне больше нету места.
Я не хочу в Сокольниках лежать.
Где пустоцветное мое гуляет детство,
меня, как воробья в слюде, не отыскать.

Но вот когда и впрямь я обветшаю —
искусанный, цветной, — то кто же, кто же
посмеет быть, кем был и смею я?
За этот ад — матерчатый, подкожный —
хоть кто-нибудь из вас — прости, прости меня.

* * *

Было горло красненьким, голодным, прогорклым,
горькое, как масло, слепое, жадное горло —
жалким и жадным горлышко, как рыбешка, было,
всех проглотила жадная жалкая рыба.

А ты беги отсюда, вон пошел, скотина,
хватай за жабы и бросай, как палку.
Но уже не рыба — слышишь, не голос и запах
рыбный,
а змея цветущая, голод ее жалкий.

Уж и вьется уж, всех сожрал, мокрый:
нет у него теперь ни снохи, ни свекрови,
ни свекра.

Грабли взял — опоздал: не жало и жабы,
а глядит на тебя несчастная морда жабы.

«Ам», — сказала жаба и съела тебя. Странно,
почему она плачет жемчужно и с тоски
зеленой лука,
почему она плачет жемчужно и ломает
зеленые руки:

нет у жабы ни брата, ни мамы,
ни любимого, ни любимой — всех она съела, сука. 23

Всех она заманила в свое горькое, горькое горло,
в рыбку свою, в свою змеиную трубку
и свистит теперь дудкой, и ей отвечает гулко,
как в органе, то одно, то другое горло.

А твой звук — самый нежный, самый высокий,
лежи без муки, пой высоко — будет
плакать тебе: скоро жаба разбрызжет дольки,
полетят, как ракета, ноги ее и руки,
полетят, как ракета, руки ее и ноги,
выйдешь ты из нее, выйдут другие люди.

«Май, — скажут, — ай; май, куличи да пасхи,
победили мы суку эту, рыбу, змею, жабу,
будем лапками в лапту играть;
царские примерять глазки».
А у меня горло болит: жалко жабу.

Взял я мертвое горло, склизкую трубку в тряпку
(тошнило меня, тряпкою взял, боялся),
вырыл ямку и горло укрыл в грядку:
спи спокойно, недолго уже осталось.
Третий день молчу, глотку покрыла корка,
болит, болит, братец, у братца твоего горло.

* * *

Май — под каждым кустиком рай.

*Куст крыжовника без листьев,
в нем человек без штанов.*

Зачем вы убили Савву моего, Савву?
Зачем вы убили Лилю, мою Лилю?
А меня не убили — спрятался я на славу,
зря крыжовника куст бил меня острым бивнем,
зря изодрал, истерзал и сорвал джинсы,
зря кровоточил и зря, как с холерой, бился.
Да и то сказать, не ошибся, серый:
быхъ наводкой я и быхъ холерой.

Так зачем о том забыл ты, йогурт знатный,
стал ревнив, как бык, и все глядит в оба.
Не волнуйся — вот они горят, эти пятна,
вот она дрожит в листве, шкура-глобус.
Только — ой как — все внутри изгрызла крыса.
Ты не зря меня сначала бил и тискал.

Куст начинает зарастать листочками.

Слышишь, слышишь ты, как воют рудокопы,
твари-диггеры во мне бегут и лают.

Зря ты запер двери, запер окна.
О! горбатые их роботы — только кокон,
и ползут уже они, снуют, шныряют —
длинные и голые терьеры.
Был ты огненным со мной, и был ты верным.
Будь ты проклят.

Ибо голый пленник я теперь в колючих ягодах,
даже ангелы лететь ко мне боятся.
Ты ж ощерился, как зверь, судебный ябеда.
Ну а твари бегают во мне и матерятся,
словно сливу исчервили, морды.
То-то крысы, то-то черти рады.
Был я патокой, и был я медом.
Буду ядом.

Так убей меня, убей меня, как Савву,
так распни меня, разрежь меня, как Лилю,
ибо слабый я — и вот пылаю язвой,
сам себя изъем, спалю и сам погибну,
ибо ад в душе такой, как сад в заду у негра.
Кто из нас с тобой затлеет первым?

Человека уже не видно за листьями,
как вдруг куст вспыхивает изнутри.

Сколько пламени и сколько дыма, дыма!
Твари по тебе бегут, как юнги,
уплывает наш с тобой кораблик.
Кличут — слышу — Савва с Лилей: Дима.
Слышу: куст кричит, его лупцуют сабли,
и скворчат его грибные руки.

Голос из пламени:

Господи, за все тебе спасибо.
Твари нет смиреннее меня.
Ты гори, догорай, моя купина.
Скоро догорю с тобой и я.

* * *

Даниле Давыдову

Мне стыдно оттого, что я родился
кричащий, красный, с ужасом — в крови.
Но так меня родители любили,
так вдоволь молоком меня кормили
и так я этим молоком напился,
что нету мне ни смерти, ни любви.

С тех самых пор мне стало жить легко
(как только теплое я выпил молоко),
ведь ничего со мною не бывает:
другие носят длинные пальто
(мое несбывшееся, легкое мое),
совсем другие в классики играют,
совсем других лелеют и крадут
и даже в землю стылую кладут.

Все это так, но мне немножко жаль,
что не даны мне счастье и печаль,
но если мне удача выпадает,
и с самого утра летит крупа,

СОДЕРЖАНИЕ

«Когда бы я как Тютчев жил на свете...»	5
«О кто бы мог еще глядеть...»	6
Приглашение к путешествию (Трамвай первый)	8
«Ах, жадный, жаркий грех, как лев, меня терзает...»	10
Трамвай второй	12
«Ты не забудь меня, козел рогатый...»	14
«Я быть собою больше не могу...»	16
«Сам себе я ад и рай, и волк, и заяц черный...»	18
«Куда ты, Жень, она же нас глотает...»	21
«Было горло красненьким, голодным, прогорклым...»	23
«Зачем вы убили Савву моего, Савву?...»	25
«Мне стыдно оттого, что я родился...»	28
Репейник	
1. «Вот репейник мятный...»	30
2. «Мне репейник — бог. У меня, кроме...»	30
3. «Урожай не богаче тебя, курный...»	31
4. «И не горб это вовсе, а твой лопушник...»	31
5. «Жил да был у меня когда-то барашек...»	31
«Но я еще прижмусь к тебе — спиной...»	32
Битва поста и мясоеда на шести салфетках	34
Весь 1997	37

Элегия на смерть немецкой принцессы Софии Фредерики Августы	40
Весь 1998	

1. «Мне 30 лет...»	42
2. «Еще мне жаль мою статью...»	42
3. «Теперь, надеюсь, вам понятно, почему...»	43
4. «Так безобразно я пишу...»	43
5. «А я и щас хотел бы изменить...»	44
6. «Вообще-то, я уже об этом говорил...»	44
«Как страшно, Поля Х., любовниками быть...»	46

Мистические любовники

1. «Они лежат здесь: Вова, Галя, Соня, Дима...» ...	48
2. «Не бойся, и они меня не пожалеют...»	48
3. «Их слишком много бродит в голове...»	48
4. «Они, как мелкие, всегда вдвоем, втроем...»	49
5. «Но если, Поля, все они меня оставят...»	49
6. «Вот мой стишок вертится, как волчок...»	49

Любовь бессмертная — любовь простая	50
---	----

Эссе и выбранные стихотворения

1. «Я помню: в детстве у меня была игра...»	56
2. «Другая гроза. Папа, Юля, я...»	57
3. «Когда мои стихи осыпятся во прах...»	57
4. «Я еще в институте заметил...»	58
5. Необходимое пояснение	58
6. «Я ничего еще не отдавал...»	59
7. Еще одно необходимое пояснение	60
8. «А чтобы быть...»	60
«Так дымно здесь...»	62
«Так неужели...»	64
«О, я никогда не забуду...»	65
«Опять сентябрь, как будто лошадь, дышит...»	66
«Я не кормил — с руки — литературу...»	68

«Так неудобно жизнь — во мне лежала...»	70
«Любая женщина — как свежая могила...»	72
Первый снег	74
Без названия	77
«А тело пело и хотело жить...»	79
«Как шрам — любовь — под бровью от стакана...»	81
Тема	82
Рема	83
Голос	84
«Средь мародеров, трусов и стыда...»	85
«Землю пахла, воздухом пылила...»	87

* * *

1. «И ЧТОБЫ ЖИЗНЬ ТВОЯ ВСЮ ЖИЗНЬ СТОИМЯ СТОЯЛА...»	89
2. «Это я — в середине весны, в твердой памяти, в трезвом уме...»	89
3. «Потому что сейчас...»	90
4. «Это ты полстолетья спустя...»	90
5. «О, как тужатся почки в своем воспаленном гробу...»	90
6. «Но зато я способен бесплатно тебе показать...»	91
7. «И не важно, что, может быть, я...»	91
Так вот во что створожилась любовь	92
«Так пусть же будет жизнь благословенна...»	93
«Я с детства сладок был настолько, что меня...»	95
Прощаясь — грубо, длительно, с любовью	97
«...Только, может быть...»	100
Четвертое дыхание	101

* * *

1. «...Мама! И как так случилось...»	107
2. «Вот и вы извините меня, ибо мне — не хватило любви...»	108

3. «Ибо — как сказала бы Дебби Джилински...» ..	109
4. «Так что ты не сердись — а приди на меня поглазеть...»	109
5. «...И за это за все...»	110
Шиповник	111
«...Ты мне приснилась постаревшей...»	113
Шиповник — распадающийся на части	115
«В тот год, когда мы жили на земле...»	117
Шиповник Forever	
1. «За то, что ты — не абы как, а трижды...»	119
2. «Я тебя обожаю... За то, что — имперский, тяжелый...»	119
3. «Дорогой мой, желанный, единственный, счастье мое!...»	119
4. «Я искал тебя — всю свою жизнь на таком подмосковном ветру...»	120
5. «Так что — я ненавижу тебя...»	120
«Мужает голос и грубеет тело...»	121
«Ну, вот я и вернулся сюда — в тридесатую эту весну...»	123
Черновик	
1. «Да, вот именно так (а никак по-другому)...» ..	125
2. «Ну так вот и старайся — вспотевший, воскресший, больной...»	126
3. «Эти люди стоят у меня в голове...»	126
4. «...Мы стоим на апрельской горе — в крепко сшитых дурацких пальто...»	127
5. «— Здравствуйте, — скажет один. — Я единственный в этой стране...»	127
6. «...Однако, так как на роль человека с трудной мужской судьбой претендую все-таки я...»	128
7. «Потому что всех тех, кто не выдержал главную битву...»	129

Мои тебе чужие письма

1. 130
 2. «Есть такое понятие „открытые блоги“, электронные дневники...» 131
 3. «Едва осознана мужская красота...» 131
 4. «В этом смысле — открытая жизнь, подорожники, лопухи...» 132
 5. «Ты мне пишешь...» 133
 6. «Я тебе пишу...» 133
 7. «Ты — мне пишешь...» 134
 8. «Вот и мы точно так же строчим эти письма — к тебе, ни к кому...» 135
 9. «Но покуда — в 12 раз, поименно (имейте в виду)...» 135
 10. «И покуда над этим над всем — над проплешинами земли...» 135
- «Я душный воздух пил в советской школьной форме...» 137

Стихи к сыну

1. «Мне этой ночью вдруг приснился этот цикл...» 139
 2. «В 25 лет мне уже однажды снилось, что у меня есть сын...» 139
 3. «Ты ждал меня среди взрослеющих детей...» .. 140
 4. «— Сразу хочу заявить, что это не война...» ... 142
 5. «Как Н. Хрущев засеял кукурузой...» 143
 6. «Однажды летом — ярким, как открытка...» ... 146
- «Нет, не кончилась жизнь, самурайская вздорная спесь...» 149

Книга рун

- Дагаз 151
- Гебо 152
- Тейваз (руна воина) 153

Манназ	154
Ингуз	155
Турисаз (руна недеяния, врата)	156
Хагалаз (град, разрушение)	157
Кано	158
Ансуз (знаки, руна посланника)	159
Йера	160
Отал (руна наследства и разделения)	161
Наутиз (нужда, принуждение, черная старуха) ...	162
Альгиз (защита, защищенность, тростник)	167
Вуньо	169
Феху	170
Райдо (руна дороги, свидетели говорят)	174
Эваз (руна движения, свидетели говорят — 2) ...	175
Беркана	177
Лагуз (вода)	180
Перт	181
Эйваз	183
Иса	184
Уруз (дикий бык и мальчик-убийца)	185
Совелу (целостность, руна Солнца)	188
Пустая руна	189
Стихи о собаке	191
Стихи о елке	195
Стихи обо всем	
1. «Пасха. Буддийский божок сидит на порожке...»	198
2. «А ведь раньше было не так: вот уж любили друг друга — так это любили...»	199
3. «Вот и мы... Как устанем мы оба и ты скажешь мне „уходи“...»	200
4. «Потому что любовь прохладна. — И никакая она не твоя...»	200

5. «Даже страшно подумать, что я...» 201
6. «Вот и мне безразлично... Ни с женским
душным пупком...» 201
7. «Потому что не надо „достроить“, а надо
разрушить себя.» 201
8. «Ты сегодня себе обещал: в этот год
и на несколько лет...» 202
9. «Но тогда — отчего мне так жаль —
что во тьму, потоптавшись, пойдет...» 202
10. «Оттого, мой хороший, и жаль...» 202

Небесная лиса улетает в небеса

1. «Если где он и есть — этот странный летающий
дом...» 204
2. «Не знаю, война не война, сон не сон, бог
не бог, или просто так было надо...» 205
3. «Собака летит в небеса, не проснувшись,
и сновидит сладкую думу...» 206
4. «...К слову сказать, мне всегда казалось...» 207
5. «...Полетим на юг Москвы посмотреть —
как там Оленька здоровая живет...» 209
6. «Кстати, о Новом годе...» 211
7. «...А под нами уже разлеглась, без границы,
прекрасная осень...» 212
8. «...Едет автобус, трясется, летит и гудит...» 213
9. (...) 216

Литературно-художественное издание

ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ
НЕБЕСНАЯ ЛИСА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Юлия Теплова, Валентина Гончар

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.07.2018. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 9,03. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросу приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-PTR-23583-01-R